

ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В АСПЕКТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО МОНИЗМА И ПЛЮРАЛИЗМА

С.В. Бирюков, А.Э. Евстратов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

11 марта 2023 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2023 г.

Ключевые слова

Социальное государство, государство всеобщего благосостояния, Лоренц фон Штейн, социальный вопрос, социальная реформа, типология государств, монизм, плюрализм, правовой плюрализм

Рассматривается проблема воплощения в жизнь идеи социального государства с точки зрения государственно-правового монизма и плюрализма на уровне человечества, т. е. возможности возникновения общепризнанной модели такого государства или же неизбежности сосуществования различных таких моделей, обусловленных национальными, экономическими, культурными факторами, действующими в конкретных странах.

Приведены тезисы, положенные в основу концепции социального государства Л. фон Штейном, показано дальнейшее ее развитие. Выявлены основные подходы к конституционализации и типологии социального государства. Сделан вывод, что идея социального государства может быть сведена к определенному единству, тогда как способы ее реализации неизбежно множественны.

THE IDEA OF A WELFARE STATE IN THE ASPECT OF STATE-LEGAL MONISM AND PLURALISM

Sergey V. Biryukov, Aleksandr E. Evstratov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2023 March 11

Accepted –

2023 June 20

Available online –

2023 September 20

Keywords

Social state, welfare state, Lorenz von Stein, social issue, social reform, typology of states, monism, pluralism, legal pluralism

The problem of implementing the idea of a social state is considered from the point of view of state-legal monism and pluralism at the level of humanity, that is the possibility of the emergence of a universally recognized model of such a state or the inevitability of the co-existence of various such models due to national, economic, cultural factors operating in specific countries.

Attention is drawn to the fact that such a problem is also relevant in relation to the ideas of a democratic and rule-of-law state. In general, the coincidence of formal characteristics of states reflected in modern constitutions is accompanied by statements about the absence of unified concepts of democracy and human rights. To an even greater extent, this is characteristic of the search for a solution to the so-called social issue.

The theses underlying the concept of the welfare state by L. von Stein are presented. In particular, it is indicated that, in his opinion, the simple development of the social security system of the poor class is not enough to solve the “social issue”. The further development of the idea of a social state is shown, discussions are touched upon regarding the understanding of its essence and the problems that were revealed during the social reforms carried out by socio-democratic and liberal forces in capitalist states at the end of the 19th and 20th century.

The main approaches to the constitutionalization of the social state are revealed (the “simple” proclamation of “social” statehood in the constitution; the clear formation of the goals and objectives of such a state; the absence of an indication of the social nature of the state). The classifications of the welfare state carried out by G. Esping-Andersen, as well as modern researchers of Russia and neighboring countries are analyzed.

It is established that the very existence of a “social issue” and the importance of one or another of its solutions are gradually becoming generally recognized. Despite this, the fixation of the social character of the state has not yet received the same universal distribution

as, for example, theses about the democratic and legal nature of the state. Both the implementation of the idea of a welfare state where it is legally recognized, and its declared “projects” are very diverse, while the typology of the welfare state is subject to further study. The social model, the framework of which determines the position of the state in relation to society, is, on the one hand, the result of the evolution of a complex of factors specific to each country, and on the other, the result of a conscious choice. Different models of the welfare state are characterized by different degrees of realization of the interests of different social classes, a different relationship between the beginnings of society and the state. Accordingly, these models are “attractive” to representatives of the haves and have-nots to varying degrees, they compete with each other at the international level. It is concluded that the idea of a social state can be reduced to a certain unity, whereas the ways of its implementation are inevitably multiple.

1. Введение: постановка проблемы

При анализе основ государственного строя разных государств, выраженных в их конституционных текстах, обращает на себя внимание то, что подавляющее большинство стран провозглашают себя демократическими и правовыми государствами. Кроме того, они являются в основном республиками или ограниченными монархиями. Наличие конституций позволяет также определить (почти) все государства мира как конституционные. Такое совпадение формально выраженных характеристик государств можно определить как весьма показательное.

В этой связи отмечается, например, что демократия приобрела в начале XXI в. «кажущуюся неоспоримой легитимность» [1, р. 118] или что конституционализм стал «империей единообразия» [2, р. 140]. В этой же связи вспоминается Ф. Фукуяма с его «концом истории», воплощенном в «демократическом правовом государстве западного образца» [3], и популярные сегодня размышления о возможности построения «мирового государства», основанные, в том числе, на известном тезисе И. Канта: «Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую его вынуждает природа, – достижение всеобщего правового гражданского общества» [4, с. 12].

Если продолжить эту линию до логического конца, то можно указать на утверждения многих философов о том, что поиск общего, монизма – есть основа науки, развития общества и мира в целом, а разнообразие и плюрализм – поверхностное наблюдение, аргумент «слабого» или «ангажированного» ума [5].

С другой стороны, для других мыслителей, которых вроде бы не упрекнешь в этой самой «слабости» или «ангажированности», напротив, сегодняшний государственно-правовой монизм оказывается «кажущейся видимостью», отталкиваясь от которой

они обнаруживают альтернативы, отсутствие единых концепций демократии или правового государства. Часто они от описательных переходят к нормативным утверждениям того, что мир *должен быть* разнообразным.

Характерным примером современных размышлений подобного рода относительно развития государства является работа Дж. Талли «Странная множественность: конституционализм в эпоху разнообразия» [6]. Применительно к праву типичным примером является статья индийского философа С.П. Синхи «Неуниверсальность права», в которой он пишет, что «если история мира и показала что-либо четко, то это упорство, с которым он сохраняет международный плюрализм... который не обнаруживает ни одного признака исчезновения» [7, р. 212].

Множественность систем государственного права в пределах человечества является одним из утверждений, на которых базируется специальная концепция правового плюрализма. Она учитывалась уже одним из ее основоположников, итальянским юристом начала XX в. С. Романо [8, р. 50], а сегодня рассматривается в работах о глобальном (транснациональном) плюрализме как его характерная часть [9].

Конечно, некоторые представления «правовых плюралистов», доведенные до крайности, являются односторонними, но эта концепция вполне верно отражает, например, то, что:

- 1) выбор вариантов государственного устройства обусловлен особенностями культурных и социальных противоречий, присущих тем или иным обществам;
- 2) системы права разных государств воздействуют друг на друга и конкурируют между собой, в том числе в части основных конституционных положений;
- 3) многие субъекты права, вовлеченные сегодня в трансграничные отношения, имеют возмож-

ность сравнить качество жизни в различных государствах, национальные варианты реализации конституционных положений о демократическом, правовом, республиканском государстве и пр., а иногда, исходя из этого, – выбрать место жительства или же место ведения экономической деятельности, досуга;

4) еще одним источником подобного сравнения и выбора является наличие межгосударственных образований, международных организаций и международного права.

Последние два обстоятельства отражаются в известном, хотя и крайне спорном «индексе качества гражданства»¹.

В результате этого большинство современных разработчиков моделей идеальных государств достаточно осторожны и, в отличие от того же Ф. Фукуямы, не сводят такие модели к каким-либо конкретным государствам, говорят не о конечной точке, а о движении к ней, признают альтернативы.

Это характерно и для отечественной науки.

Скажем, для работ российских авторов о «правовом государстве» и правах человека характерны утверждения, что международно-правовые стандарты прав человека испытывают влияние противоположных тенденций – универсализации и регионализации, а принятие Всеобщей декларации прав человека ООН от 10 декабря 1948 г. не позволило сблизить глубокие различия [10], что цивилизационные процессы ставят универсализацию прав человека под сомнение [11, с. 29].

Схожие тезисы в части самобытности России как правового государства отражены и в известных работах В.Д. Зорькина [12, с. 449–488]. Понятно, что они означают и то, что председатель Конституционного Суда РФ исходит из присутствия различных вариантов «конституционного» и «демократического» государства.

Другой российский ученый и политический деятель, С.Н. Бабурин, предлагая модель «нравственного государства», опирается на отечественные традиции, но признаёт иранскую, индийскую, китайскую, сингапурскую, японскую альтернативы такой модели, возможность возрождения нравственного государства в «Западном мире» [13, с. 466–490, 500–520].

Особый интерес для авторов настоящей статьи представляет вопрос о государственно-правовом монизме и плюрализме при решении социального

вопроса, отраженного в идее «социального государства». Говоря о государственном или правовом монизме (плюрализме), мы в данном случае имеем в виду не степень централизации конкретного государства (права) или степень выраженности в них интересов различных социальных групп, а именно наличие на уровне человечества единой, общепризнанной модели социального государства или же сосуществование различных таких моделей, обусловленных национальными, экономическими, культурными факторами, действующими в конкретных государствах.

2. Степень научной разработанности проблемы

Идея социального государства была выдвинута немецким философом-гегельянцем и правоведом Лоренцем фон Штейном в середине XIX в. [14; 15]. С тех пор ей было посвящено значительное число научных работ, в том числе и одного из авторов настоящей публикации [16; 17].

Различные исследователи анализировали и разные варианты решения социального вопроса, включая типологию социального государства. Среди них можно выделить Г. Эспинг-Андерсена [18], а среди авторов с постсоветского пространства – В.И. Гоймана [19, с. 139, 140], В.П. Милецкого [20], В.А. Намчук [21], Н.М. Хому [22] и др.

3. Методологическая основа изучения проблемы

По нашему мнению, для целей исследования необходимо сочетание диалектического метода с иными методами: формальной логики, моделированием, формально-юридическим и сравнительно-правовым, а также с теоретико-социологическим и теоретико-культурологическим анализом.

4. Генезис идеи социального государства

В основе идеи «социального государства» с точки зрения ее основоположника – Лоренца фон Штейна – находятся следующие тезисы:

1) представление о государстве и обществе как двух противоборствующих началах человеческого общежития, в котором «принцип государства», состоящий в возвышении всех личностей к полнейшей свободе, к полнейшему личному развитию, и «принцип общества», заключающийся в подчинении одних личностей другим, в совершенствовании одних за счет других, прямо противоположны;

¹ Quality of Nationality Index. URL: <https://www.nationalityindex.com/#> (дата обращения: 06.04.2023).

2) постановка «социального вопроса» (как с помощью государственной власти рабочий класс может изменить свое зависимое положение, обусловливаемое природой труда, в положение независимое – материально свободное?);

3) утверждение того, что ни уничтожение политического господства нетрудовых сословий, ни наличие умственного образования для всех само по себе не уничтожает расслоение на имущественный класс (который имеет экономический капитал) и несвободный неимущий класс (у которого есть только труд без капитала) – противоречие между трудом и капиталом [14, с. XLVIII, XCII];

4) понимание того, что свобода (выраженная в возможности приобретения капитала) достижима для неимущего класса лишь тогда, когда «рабочая плата будет превышать потребности рабочих», чему не соответствуют интересы капиталистов (поэтому работников исключают из участия в прибыли предприятий) [14, с. XLVIII];

5) представление о собственности как средстве разрешения «социального вопроса» [14, с. XXIV–XL, XLIII, LVIII–LIX и др.] – необходимости предоставления низшим классам средств и возможности к приобретению собственности и, следовательно, к живому и свободному межклассовому движению, достижимому для каждого человека [15, с. 524];

6) осознание заинтересованности государства в решении «социального вопроса», поскольку оно стоит «выше капитала и труда» и «сильно терпит от зависимого положения низшего, чисто рабочего класса» (чем многочисленнее этот класс, тем беднее государство);

7) понимание того, что государственная организация труда (государство становится предпринимателем) либо кредита (государство дает каждому рабочему капитал, соразмерный его рабочей силе, при этом ничего за это не берет) не разрешает социальных противоречий;

8) наличие третьего пути – пути социальной реформы (создание такого устройства и таких установлений, которые позволили бы труду «самому по себе вести к приобретению собственности»). На этом пути государство, во-первых, должно устранять юридические препятствия свободному общественному движению классов, во-вторых, государство должно заниматься попечением об общественной нужде (борьба с дороговизной, нищенством, борьба с бедностью, создание яслей, приютов, школ для бедных, домов призрения, поддержка бедных и пр.), в-третьих, содействовать труду, не обладающему капита-

лом достигнуть хозяйственной самостоятельности (самопомощь в форме союзного строя неимущих, вспомогательные кассы, страховое дело и т. п.) [15, с. 525–594].

Таким образом, по Л. фон Штейну, государство становится «социальным» только тогда, когда деятельность его направлена на гармоничное разрешение противоречий между общественными классами («трудом и капиталом») в целях реализации идеи личности («свободное развитие одного выступает свободным развитием всех»).

Хотя данный вывод, казалось, является «монистичным» для понимания природы «социального государства», однако дальнейшее развитие идеи, в том числе понимание «социальной гармонии», а также способы построения «социального государства», оказались весьма разнообразны.

Многие ученые считают государство «социальным», если в нем «...экономика, политика, идеология, законодательство, правоприменительная практика и другие сферы общественной жизни... направлены на создание условий, необходимых для достойной жизни и свободного развития каждого человека...», «...если в нем явно и на должном уровне признаны, закреплены и гарантированно обеспечены: социальная ориентация экономики, политики, права; основные социальные права и свободы человека; механизмы социальной солидарности и социальной справедливости; достойный уровень жизни и свободное развитие человека; меры для недопущения резкого социального неравенства» [23, с. 58–61].

К общим признакам «социального государства» относят и правовую природу осуществления его социальной политики; наличие бюджетных социальных выплат; наличие государственных систем социальной защиты, социального обеспечения и обеспечения занятости; ответственности за уровень благосостояния своих граждан; наличие в нем институтов гражданского общества [24, с. 82–85].

То есть «социальное государство» призвано создавать необходимые условия для обеспечения граждан работой, охранять труд, перераспределять доходы через государственный бюджет, обеспечивать прожиточный минимум, содействовать развитию предпринимательства, заботиться об образовании, культуре, семье, здравоохранении, социальном обеспечении и т. д. [25, с. 12; 26]. Оно должно «бороться не против богатства, а против нищеты, отрицая чрезмерный этатизм в распределении блага, поощряя социальную функцию частной собственности» [27, с. 118–119].

Набор указанных признаков, делают вывод исследователи, достаточен для определения, какое из государств является «социальным», а какое – нет.

Очевидно, что все эти признаки у «социального государства» сформировались не сразу, их генезис растянут во времени и отражает возникновение и развитие у государства социальной функции, что позволяет проследить стадии развития «социального государства» от «первичного» (появление функций социального обеспечения, социальной защиты, здравоохранения и образования и распространение данных функций на всех и т. д.) до собственно «социального государства» (появление у государства функции проведения социальной политики, направленной на снятие антагонизма между социальными целями государства и требованием рынка, обеспечение посредством эффективной экономики высокого уровня защиты от социальных рисков, компенсация асимметрии совокупности прав и обязанностей и т. д.) [28, с. 86–97]. Подобные представления ученых положительно отличаются от тех, в которых «социальное государство», в сущности, сводилось только к провозглашению социально-экономических прав граждан («право на труд», «на отдых», «на социальное обеспечение» и др.) или к задаче пенсий и различных пособий.

На основании приведенных выше представлений были сформулированы «социал-демократическая», «либеральная» и «консервативная» концепции «социального государства». При всех различиях, они сходились в признании за государством позитивной роли в экономической и социальной сферах [18, р. 28, 29].

В научных исследованиях обращается внимание, что большинство приверженцев этих концепций были едины в том, что одна из главных целей «социального государства» состоит в расширении демократии, предоставлении всем гражданам не только «юридических и политических», но также «социальных прав» путем справедливого перераспределения доходов: в социал-демократии и буржуазно-либеральном реформизме превалировала демократическая трактовка «социального государства» как гаранта «социальной справедливости». Предполагалось, что, обеспечивая гарантированные стандарты жизни, «социальное государство» способно сократить разрыв в доходах, уровне образования и занятости разных категорий населения. Всё это рассматривалось как средство исключения из жизни общества социально-классовых конфликтов, инте-

грации как можно более широких слоев населения в существующую систему [28, с. 177–179].

Многие приверженцы идей «социального государства» – как либералы, так и социал-демократы – с самого начала обосновывали его необходимость соображениями легитимизации капитализма. Согласно такому взгляду, «социальное государство», хотя и содержит некапиталистические или даже антикапиталистические элементы (например, государственное распределение, антимонопольное законодательство и пр.), но является необходимым злом, оно представляет собой средство увеличения свободы самых непривилегированных и исправления несправедливостей, вытекающих из рыночной системы распределения благ.

В этой связи реформы, осуществленные социал-демократическими и либеральными партиями, имели своим результатом улучшение материального положения широких слоев трудящихся, расширение их прав в политической сфере, укрепление экономических и политических позиций профсоюзов, усиление их влияния на политическую систему.

Однако, достигнув определенного уровня, социал-демократические и либеральные реформы споткнулись о системоохраняющие перегородки капитализма, за которыми капитализм уже теряет присущий ему характер. Эти пределы, как и предрекал Л. фон Штейн, строго определены имущим классом, стремящимся к удержанию своего господствующего положения в обществе и сохранению самой капиталистической системы.

В условиях возросшей экономической мощи монополистических объединений, прогрессирующей нехватки ресурсов расширение роли государства породило другие, не менее сложные и взрывоопасные проблемы. Стало очевидно, что социальное государство и система государственно-монополистического регулирования имеют свои пределы, что ряд их механизмов и звеньев стал работать с перебоями [29, с. 360, 361], а некоторые вовсе изжили себя.

Таким образом, можно констатировать, что у исследователей наблюдается некое единство во взглядах на понимание специфики или, вернее, сущности «социального государства». Однако, указанное единообразие в установлении оснований возникновения идеи «социального государства» и взглядах на ее развитие, в определении понятия «социального государства» и его основных признаков, на деле стало очень даже относительным, обнажив целый ряд проблем, по поводу которых исследователи ведут нескончаемые дискуссии. В итоге разные

исследователи делают различные акценты при определении понятия социального государства. Подробный обзор его дефиниций приведен в работе одного из авторов настоящей статьи [30, с. 52–60].

5. Конституционализация социального государства

Все эти теоретические положения получили свое отражение в действующих конституциях различных государств, которые весьма отличаются друг от друга.

Здесь можно выделить несколько подходов.

Во-первых, «простое» провозглашение «социальной» государственности (Гаити, Гвинея, Грузия, Испания, Казахстан, Россия, Руанда, Румыния, Сенегал, Словения, Таджикистан, Того, Турция, Украина, Чад, Экваториальная Гвинея).

Во-вторых, четкое формирование целей и задач такого государства, определение «благополучия» как цели государства, закрепление роли собственности как необходимого и значимого фактора для разрешения «социального вопроса», достижения «социальной справедливости» (Азербайджан, Бахрейн, Бельгия, Дания, Йемен, Сирия, Тунис, Узбекистан).

В-третьих, отсутствие указания на социальный характер государства, сочетающееся, однако, как правило, с фактическим предоставлением в соответствии с законодательством некоторых социальных льгот (государственных услуг)².

Как верно отмечает в связи с этим О.В. Родионова, в эпоху глобализации потребность в универсализации «социального государства» усиливается, вместе с тем сохраняя национальные особенности реализации ее конкретных моделей [31].

Существенным фактором, отличающим социальные модели, являются структура и конфигурация, сочетание важнейших институтов социальной защиты: страхования, социальной помощи, государственного социального обеспечения, медицинской помощи и образования, – размеры ресурсов, направляемых на их функционирование, а также доминирующая роль одного из институтов социальной защиты.

6. Подходы к типологии социального государства

С учетом изложенного в литературе предлагаются различные типологии социального государства.

Г. Эспинг-Андерсен, как отмечалось ранее, предложил критериями классификации социальных

государств считать изменения в системах стратификации, степень расширения социальных прав и общественно-частную организацию социального обеспечения. В своей книге «Три мира капитализма благоденствия» он обратил внимание на существование трех моделей социального государства:

1. Для *либеральной модели* (Австралия, Канада, США, Новая Зеландия, Ирландия, Соединенное Королевство) характерно, что многие льготы, такие как медицинское страхование и пенсии, связаны с занятостью. Проверка нуждаемости в социальных льготах и пособиях используется для определения права на получение государственных услуг, и тем, кто считается имеющим на это право, предоставляются относительно скромные денежные пособия и ваучеры.

2. *Консервативная (корпоративная) модель* (Италия, Япония, Франция, Германия, Финляндия, Швейцария) основывается на предоставлении услуг государством, а не на рыночных или частных услугах. В рассматриваемой модели часто проявляются нормативные идеалы нуклеарной семьи, характеризующиеся мужчиной-кормильцем и женщиной, заботящейся о семье.

3. *Социал-демократическая модель* (Австрия, Бельгия, Нидерланды, Дания, Норвегия, Швеция) базируется на идее того, что государство выступает гарантом социальных прав [18, р. 28, 29].

Похожего подхода придерживаются В.П. Милецкий [20], В. Намчук [21]. Последний, используя несколько другую терминологию, выделяет *патерналистскую, корпоративистскую и этатистскую* модели социального государства.

В.И. Гойман по критерию уровня доходов предлагает следующие типы социального государства:

1) *эгалитарный* (все члены общества получают равные блага, в материальном смысле все равны);

2) *роулсианский* (справедлива такая дифференциация доходов, которая допускает относительное экономическое неравенство только тогда, когда оно способствует достижению более высокого уровня жизни малоимущих членов общества);

3) *утилитарный* (большую часть общественного богатства должен получать тот, кто в большей степени приносит пользу);

4) тип социального государства, *ориентированный на классическую модель рынка* [19, с. 139, 140].

² Конституции государств (стран) мира. URL: <http://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 12.04.2023).

По мнению Н.М. Хома, в результате диффузии идеологий и под влиянием вызовов XXI в., прежде всего *глобализации*, классические типы социального государства (либеральная, корпоративная, социал-демократическая модели) трансформируются в *неолиберальную, корпоративно-либеральную (консервативно-либеральную) и социал-либеральную*.

Кроме того, он же предлагает по времени появления выделить *классические* (устоявшиеся, традиционные) модели и *неомодели* социального государства (например, модели, которые формируются в посттоталитарных государствах Центральной и Восточной Европы, проекты единой социальной модели Европейского Союза и др.).

По соотношению активности государства в решении социальных проблем и инициативности граждан в решении проблем благосостояния, Н.М. Хома выделяет также *патерналистскую, классическую и активизирующую модели* социального государства [22, с. 141, 142].

6. Выводы

Исходя из вышеизложенного, мы можем утверждать следующее:

1. Само наличие «социального вопроса» и важность того или иного его разрешения по мере развития общественного сознания постепенно становятся общепризнанными.

2. Несмотря на это, фиксация социального характера государства не получила пока такого же универсального распространения, как, например, тезисы о демократическом и правовом характере государства.

3. Как реализация идеи социального государства там, где она легально признана, так и ее декларируемые «проекты» весьма многообразны (от по-

пыток построения «государства всеобщего благоденствия» до «квазисоциального» государства, от демократического до тоталитарного решения социального вопроса и т. д.). При этом типология социального государства подлежит дальнейшему изучению.

4. Можно предположить, что социальная модель, рамки которой определяют позицию государства по отношению к обществу, есть, с одной стороны, результат эволюции комплекса факторов (экономических, правовых, религиозных и др., а также традиций), специфических для каждой страны, а с другой – результат сознательного выбора.

5. Различные модели социального государства характеризуются различной степенью реализации интересов разных социальных классов, различным соотношением между началами общества и государства (по терминологии Л. фон Штейна). Соответственно, данные модели в разной степени «притягательны» для представителей имущих и неимущих классов, они конкурируют между собой на международном уровне.

6. Таким образом, сам принцип, основополагающая идея социального государства может быть сведена к определенному единству, тогда как способы, пути достижения соответствующей цели неизбежно множественны. При этом, по мере социального развития, представления о путях решения социального вопроса с помощью государства не только видоизменяются, но и множатся.

Монизм в данном случае выступает как основополагающая идея – цель, к которой следуют с помощью плюрализма – различных способов, методов. При изменении цели способы также подлежат пересмотру, каждая достигнутая цель порождает новую ввиду необходимости поиска или появления нового противоречия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Santos B. de S. *Toward a New Legal Common Sense: Law, Globalization, and Emancipation* / B. de S. Santos. – New York : Cambridge University Press, 2020. – 665 p.
2. Helliwell C. The 'Empire of Uniformity' and the Government of Subject Peoples / C. Helliwell, B. Hindess // *Cultural Values*. – 2002. – Vol. 6. – P. 139–152. – DOI: 10.1080/1362517022019784.
3. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man* / F. Fukuyama. – New York : Free Press, 1992. – 418 p.
4. Кант И. *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане* / И. Кант // Кант И. Соч. : в 6 т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 7–24.
5. Огородников В. П. *Монизм или плюрализм?* / В. П. Огородников // *Российский гуманитарный журнал*. – 2015. – № 1. – С. 50–56. – DOI: 10.15643/libartus-2015.1.7.
6. Tully J. *Strange Multiplicity. Constitutionalism in an Age of Diversity (The Seeley Lectures)* / J. Tully. – New York : Cambridge University Press, 1995. – 336 p.

7. Sinha S. P. Non-Universality of Law / S. P. Sinha // Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. – 1995. – Vol. 81, no. 2. – P. 185–214.
8. Romano S. The Legal Order / S. Romano. – Abingdon : Oxon ; New York : Routledge, 2017. – 145 p.
9. Berman P. S. The Oxford Handbook of Global Legal Pluralism / P. S. Berman. – Oxford : Oxford University Press, 2020. – 1118 p.
10. Карташкин В. А. Международно-правовые стандарты прав человека: универсализм, регионализм, реалии / В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева // Государство и право. – 2010. – № 7. – С. 37–45.
11. Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение / Е. А. Лукашева. – М. : Норма, 2009. – 384 с.
12. Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция / В. Д. Зорькин. – М. : Норма, 2010. – 544 с.
13. Бабурин С. Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма / С. Н. Бабурин. – М. : Норма, 2020. – 536 с.
14. Штейн Л. История социального движения Франции с 1789 года / Л. Штейн. – Пер. со 2-го нем. изд. – СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1872. – Т. 1 : Основное понятие общества и социальная история Французской революции до 1830 г. – IV, СХХVI, 305 с.
15. Штейн Л. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии / Л. Штейн. – СПб. : Изд. А.С. Гиероглифова, 1874. – XIV, 594 с.
16. Евстратов А. Э. Социальное государство и политический режим / А. Э. Евстратов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014. – № 4 (41). – С. 35–40.
17. Евстратов А. Э. Теория социального государства (основная идея) / А. Э. Евстратов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – № 2 (43). – С. 22–35.
18. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism / G. Esping-Andersen. – Princeton : Princeton University Press, 1990. – 248 p.
19. Гойман В. И. Действие права (методологический анализ) / В. И. Гойман. – М. : Акад. МВД РФ, 1992. – 182 с.
20. Милецкий В. П. Институциональные аспекты становления социального государства в России / В. П. Милецкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия, политология, социология. – 1998. – Вып. 2. – С. 45–49.
21. Намчук В. А. Моделі соціальної держави / В. А. Намчук // Стратегія регіонального розвитку: формування та механізми реалізації. – Одеса, 2008. – С. 219–221.
22. Хома Н. М. Модели социального государства: новые подходы к типологизации / Н. М. Хома // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2013. – № 1. – С. 137–143.
23. Иваненко В. А. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционные правовые аспекты / В. А. Иваненко, В. С. Иваненко. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 402 с.
24. Калашников С. В. Функциональная теория социального государства / С. В. Калашников. – М. : Экономика, 2002. – 188 с.
25. Бляхман Б. Я. О социальной ценности государства / Б. Я. Бляхман // Сибирский юридический вестник. – 2003. – № 4. – С. 8–14.
26. Бляхман Б. Я. Гражданское общество и государство: проблемы взаимоотношений / Б. Я. Бляхман. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2005. – 204 с.
27. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации / М. В. Баглай. – М. : Норма : Инфра-М, 2018. – 767 с.
28. Концепция «Государства благосостояния» (Дискуссии в западной литературе 80-х годов). – М. : ИНИОН, 1988. – Ч. 1 : Теоретические основы «государства благосостояния». – 218 с.
29. Molitor V. Marktwirtschaft und Wohlfahrtsstaat / V. Molitor. – Hamburg : Verlag Weltarchiv, 1982. – 364 s.
30. Евстратов А. Э. Теория и практика формирования социального государства / А. Э. Евстратов. – Омск : ОмГУ, 2018. – 104 с.
31. Родионова О. В. Проблемы развития теории и практики современного социального государства / О. В. Родионова // Lex Russica. – 2015. – № 1. – С. 28–40.

REFERENCES

1. Santos B. de S. *Toward a New Legal Common Sense: Law, Globalization, and Emancipation*. New York, Cambridge University Press, 2020. 665 p.
2. Helliwell C., Hindess B. The 'Empire of Uniformity' and the Government of Subject Peoples. *Cultural Values*, 2002, vol. 6, pp. 139–152. DOI: 10.1080/1362517022019784.
3. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York, Free Press, 1992. 418 p.
4. Kant I. The Idea of a Universal History on a Cosmopolitical Plan, in: Kant I. *Essays*, in 6 volumes, Moscow, Mysl' Publ., 1966, Vol. 6, pp. 7–24. (In Russ.).
5. Ogorodnikov V.P. Monism or pluralism?. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal = Liberal Arts in Russia*, 2015, no. 1, pp. 50–56. DOI: 10.15643/libartus-2015.1.7. (In Russ.).
6. Tully J. *Strange Multiplicity. Constitutionalism in an Age of Diversity (The Seeley Lectures)*. New York, Cambridge University Press, 1995. 336 p.
7. Sinha S.P. Non-Universality of Law. *Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy*, 1995, vol. 81, no. 2, pp. 185–214.
8. Romano S. *The Legal Order*. Abingdon, Oxon Publ., New York, Routledge Publ., 2017. 145 p.
9. Berman P.S. *The Oxford Handbook of Global Legal Pluralism*. Oxford, Oxford University Press, 2020. 1118 p.
10. Kartashkin V.A., Lukasheva E.A. International legal standards of human rights: universalism, regionalism, realities. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2010, no. 7, pp. 37–45. (In Russ.).
11. Lukasheva E.A. *Man, law, civilizations: normative and value measurement*. Moscow, Norma Publ., 2009. 384 p. (In Russ.).
12. Zor'kin V.D. *Modern world, law and Constitution*. Moscow, Norma Publ., 2010. 544 p. (In Russ.).
13. Baburin S.N. *The moral state: a Russian perspective on the values of constitutionalism*. Moscow, Norma Publ., 2020. 536 p. (In Russ.).
14. Stein L. *History of the social movement in France since 1789*, Translated from the 2nd German ed. St. Petersburg, A.M. Kotomin Publ., 1872. Vol. 1: The basic concept of society and the social history of the French Revolution before 1830. IV + CXXVI + 305 p. (In Russ.).
15. Stein L. *The doctrine of management and the law of management with a comparison of the literature and legislation of France, England and Germany*. St. Petersburg, A.S. Gieroglifov Publ., 1874. XIV + 594 p. (In Russ.).
16. Evstratov A.E. Welfare state and political regime. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2014, no. 4 (41), pp. 35–40. (In Russ.).
17. Evstratov A.E. The welfare state theory (fundamental idea). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2015, no. 2 (43), pp. 22–35. (In Russ.).
18. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton, Princeton University Press, 1990. 248 p.
19. Goiman V.I. *Action of law (methodological analysis)*. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 1992. 182 p. (In Russ.).
20. Miletsky V.P. Institutional aspects of the formation of the welfare state in Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya, politologiya, sotsiologiya*, 1998, iss. 2, pp. 45–49. (In Russ.).
21. Namchuk V.A. Models of the social state. *Strategiya regional'nogo rozvitku: formuvannya ta mekhanizmi realizatsii*, Odesa, 2008, pp. 219–221. (In Ukrainian).
22. Kchoma N.M. Approach to the typology models of the social state. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*, 2013, no. 1, pp. 137–143. (In Russ.).
23. Ivanenko V.A., Ivanenko V.S. *Social human rights and social obligations of the state: international and constitutional legal aspects*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2003. 402 p. (In Russ.).
24. Kalashnikov S.V. *Functional theory of the welfare state*. Moscow, Ekonomika Publ., 2002. 188 p. (In Russ.).
25. Blyakhman B.Ya. On the social value of the state. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Law Herald*, 2003, no. 4, pp. 8–14. (In Russ.).
26. Blyakhman B.Ya. *Civil society and the state: relationship problems*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2005. 204 p. (In Russ.).

27. Baglai M.V. *Constitutional law of the Russian Federation*. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2018. 767 p. (In Russ.).
28. *The Concept of the welfare state (discussions in western literature in the 1980s)*, Pt. 1: Theoretical foundations of the “welfare state”. Moscow, INION Publ., 1988. 218 p. (In Russ.).
29. Molitor B. *Marktwirtschaft und Wohlfahrtsstaat*. Hamburg, Weltarchiv Publ., 1982. 364 p. (In German).
30. Evstratov A.E. *Theory and practice of social state formation*. Omsk, Omsk State University Publ., 2018. 104 p. (In Russ.).
31. Rodionova O.V. Problems of development of theory and practice of modern social state. *Lex Russica*, 2015, no. 1, pp. 28–40. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бирюков Сергей Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: svbir@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 2496-9382; AuthorID: 195718

Евстратов Александр Эдуардович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: EvstratovAE@omsu.ru
SPIN-код РИНЦ: 1295-0330; AuthorID: 317077

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бирюков С.В. Идея социального государства в аспекте государственно-правового монизма и плюрализма / С.В. Бирюков, А.Э. Евстратов // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 3. – С. 15–24. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(3).15-24.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sergey V. Biryukov – PhD in Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: svbir@mail.ru
RSCI SPIN-code: 2496-9382; AuthorID: 195718

Aleksandr E. Evstratov – PhD in Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: EvstratovAE@omsu.ru
RSCI SPIN-code: 1295-0330; AuthorID: 317077

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Biryukov S.V., Evstratov A.E. The idea of a welfare state in the aspect of state-legal monism and pluralism. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 3, pp. 15–24. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(3).15-24. (In Russ.).